

Черт Ивана Карамазова и Н.Н. Страхов¹

Д. И. ЧИЖЕВСКИЙ

Многократно указывалось на то, что черт Ивана Карамазова предвосхищает идеи Ницше о вечном возвращении. Черт так формулирует эти мысли: “Да ведь теперешняя земля, может, сама-то биллион раз повторялась; ну, отживала, леденела, трескалась, рассыпалась, разлагалась на составные начала, опять вода, яже бе над твердию, потом опять комета, опять солнце, опять из солнца земля – ведь это развитие, может, уже бесконечно раз повторятся, и все в одном и том же виде, до черточки. Скучища неприличнейшая!..” (Книга 11, гл. 9)².

Достоевский прочитал об идее вечного возвращения в статье Страхова (псевдоним “Н. Косица”), усерднейшего сотрудника обоих издаваемых братьями Достоевскими журналов: “Время” и “Эпоха”. Страхов был, как мы знаем, например, из переписки Достоевского, своего рода доверенным лицом писателя в области философии. Указанную статью “О жителях планет” Достоевский упоминает и позднее (Сочинения, издание Гроссмана, дополнительный том 23, с. 45)³. Для Страхова поставленный тогда (1860) вопрос о жителях других планет – это типично просветительская тема, которая характерна для всей эпохи: таким образом, происходит отказ от мысли о центральном положении человека в мире. Однако Страхов упорно защищает идею о центральном месте человека (в основном с опорой на философию Гегеля). В конце статьи он приходит к выводу, что если отказываться от центрального места человека в космосе, то нужно смириться и с идеей вечного возвращения (я цитирую книгу Страхова “Мир как целое”⁴, Петербург, 1892, в которой были собраны статьи Страхова шестидесятых годов; упомянутое место – с. 273 и далее). Страхов доводит обе идеи до абсурда, показывая, что на других планетах органическая жизнь могла развиваться только в точно такие же формы, в какие она развилась на Земле. И что верно для пространства, верно также для времени, для будущего. Представим себе, что развитие жизни на земле прекратилось, и тогда с дальнейшим течением времени может только начаться с начала то же самое развитие (274). В качестве примера Страхов приводит учение о вечном возвращении у стоиков, а именно переводит цитату из Немесия⁵: “Стоики говорят, что когда планеты по широте и долготе придут в те созвездия, в которых они находились сначала при творении мира, то произойдет всемирный пожар и разрушение, а потом из сущности восстановится мир в прежнем виде. А так как звезды должны вращаться подобным прежнему образом, то все бывшее в предыдущем периоде, повторится без перемены. Снова явятся Сократ и Платон, снова явится каждый человек с теми же друзьями и согражданами. Те же настанут поверья, те же встречи, те же предприятия, те же построятся

© Карманова М. (перевод), 2014 г., Тоичкина А.В. (публикация, комментарии), 2014 г.

города и деревни. И такое восстановление всего произойдет не один раз, но будет происходить многократно, или, лучше сказать, без конца” (275). Как известно, учение Ницше связано и с античной традицией, может быть, *в том числе* и с этим местом из Немесия⁶. Однако Страхов приводит эту цитату не для того, чтобы обновить излагаемое в ней учение, но чтобы сделать очевидной ошибочность просветительского мировоззрения. Принимая это мировоззрение, человек теряет “связь между явлениями, единство мира” (275). Вечное возвращение оказывается “бессмысленным” (276), учение о вечном возвращении противоречит “сущности человеческого ума”, особенно если его распространять на явления духовной жизни человека (275 и далее).

Достоевский вкладывает в уста черта Ивана Карамазова слова из этого учения только для того, чтобы показать, в какой тупик зашла мысль просветителя Ивана. Черт высказывает идеи просветительского мировоззрения, выводы, которые сам Иван не осмеливался развивать всерьез. В мире без Бога полное страданий существование человека оказывается бессмысленным, человек теряет свое достоинство, свое значение, свое центральное положение в мире. Чтобы выявить это основное настроение мировоззрения Ивана, Достоевский, вероятно, обращался к трудам своих ранних соратников и знатоков философии. А Страхов уже в 1860 году предвидел, что европейская философия придет к учению о вечном возвращении (ср., также, некоторые строки в другой статье Страхова за тот же год – там же, с. 126⁷).

Философия Ивана Карамазова и Страхов⁸

Д. И. Чижевский

Сам Иван Карамазов в отдельные моменты предсказывает идеи или даже формулировки Ницше. Самая бросающаяся в глаза параллель – в идее “любви к дальним” – (у Достоевского в “Братьях Карамазовых”, V, 4, изданы 1879–1880; у Ницше впервые – 1883 году, позднее Ницше читал Достоевского по-французски, но “Братья Карамазовы” остались ему неизвестны; ср. Ch. Andler “Nietzsche et Dostojewsky” в “Mélanges d’histoire littéraire générale et comparée offerts à Fernand Baldensperger”, Париж, 1930, I, 4); это объясняется одинаковым логическим развитием одного и того же ряда суждений у обоих (см. мою статью в изданном мной сборнике “Dostojewskij-Studien”, Reichenberg, 1931, с. 54⁹), но с тем отличием, что Достоевский высказывает эти идеи только как немислимые следствия из просветительского мировоззрения, а Ницше – как свои собственные мысли.

Но Ивана мучает и другая проблема, которая является основной для Ницше, – проблема “высшего человека”, то есть существа, которое было бы выше чем человек (ср. мою вышеупомянутую статью в “Zeitschrift”, VI, 1 и далее¹⁰). Достоевский хочет показать в образе Ивана (ранее ряд родственных мотивов уже возникал в “Преступлении и наказании”), к каким немислимым следствиям можно прийти, если в пользу сверхчеловека отказываться от конкретных живых людей.

Такую постановку вопроса мы находим еще раньше в статьях Страхова шестидесятых годов. Четче всего Страхов сформулировал свое отношение к проблеме “высшего человека” в статье о Фейербахе (1864, издано в собрании статей Страхова “Борьба с Западом в русской литературе”, т. II, Петербург, 1883, с. 78 и далее, и в “Философских очерках”, Петербург, 1895, с. 51 и далее¹¹). Страхов в этой статье дает обзор развития современной философии. Больше всего его, как гегельянца, интересуют представители левого гегельянства. Функцию этого современного направления Страхов видит в отрицании. Фейербах отрицает теоретическую мысль и вообще философию, Прудон – возможность материального благосостояния, Герцен – саму возможность счастья (там же, с. 104 и далее, ср. и другие статьи Страхова в том же собрании, и в других его томах под тем же названием, где он говорит в том числе о Ренане, Карлейле, Д. Штраусе, Дарвине): “<...>После этих глубоких отрицаний, не заменяющих отрицаемое ничем положительным <...> оставалось сделать еще одно последнее отрицание; и оно действительно пришло на языке западных мыслителей. Именно, остается только *отрицать человека*. Пусть цивилизация гибнет, пусть

не спасает нас политическая экономия, пусть нужно отвергнуть и философию, и религию; можно все-таки думать, что после всей этой гибели останется человечество, которое пойдет к новым идеалам, к новым формам жизни и мысли. Отрицать это – вот конец отрицания. И до него дошел Запад в силу неизбежной логики. Не раз было сказано, что человек есть неудавшееся создание, попытка природы, в роде тех странных ископаемых творений, которые были переходными ступенями к формам нынешних земных тварей. Если так, то нужно ждать нового геологического переворота, в котором погибнет человечество. Тогда новое создание, которое займет место человека, может быть представит ту красоту и то достоинство жизни, которое для нас, людей, невозможно”¹² (там же; ср. т. III того же издания, Петербург, 1896, с. 17 и далее, статья за 1891 год¹³).

Те же мысли развивает Страхов и в натурфилософской статье в журнале Достоевского. Он считает, что можно доказать, что человек “не только высшее животное, но и что выше его и быть не может, что он не есть просто вершина животного царства, что дальнейшее биологическое развитие непредставимо” (Мир, 19)¹⁴. Эта же проблема является и главной темой упомянутой статьи о жителях планет (ср. 204 и далее, 211, 266, 279). Центральное место человека должно быть сохранено. Существо, биологически более развитое, чем человек, для него бессмыслица. Но Страхов придерживается мнения, что для просветительского мировоззрения представление о таком “высшем” существе совершенно естественно (204 и далее, “Борьба с Западом” III, 17 и далее). И здесь Страхов приписывает просветителям идеи, которые впоследствии с особой силой были выражены Ницше. Однако Страхов в основном рассматривает только один аспект учения о “высшем существе”, а именно, биологический аспект, который у Ницше, конечно, присутствует (“сверхчеловек” является в том числе и биологически высшим существом), но ни в коем случае не является главным. Страхов, к тому же, приводит учение о “высшем существе” только с той целью, чтобы остро атаковать его со своей позиции¹⁵.

У Достоевского мы находим не только *проблему* “высшего существа”, но даже и те же выражения, которые использовал Страхов. В приведенной выше цитате из работы Страхова мы читали о возможном “геологическом перевороте” (Борьба с Западом, II, 105). Также и в другом месте у Страхова идет речь о “геологическом перевороте”: “Но представьте, говорят иногда, что теперь, завтра же произойдет геологический переворот; люди погибнут, и, по аналогии, вероятно, земля заселится новыми животными, высшими, нежели человек” (Мир, 16. Написано в 1858 году). «Помню, – пишет Страхов (там же, 204 и далее, написано в 1860 году), – в одном многолюдном ученом заседании зашла речь о том, что может быть, после нашей геологической эпохи, после нового переворота, явятся на земле существа, более совершенные, чем люди. Один из членов собрания отвергал возможность такого события, но другой, весьма известный профессор, и притом профессор зоологии, утверждал, что это легко может быть. “Почему вы знаете, – наконец спросил он, – что после нас на земле не явятся, например, люди с крыльями? Они будут летать, а не ходить, а летать гораздо лучше, чем ходить!”» (там же, 204 и далее). Страхов отмечает, что упомянутым профессором зоологии был С.С. Куторга¹⁶. Даже внешне этот “геологический переворот” напоминает “поэму” молодого Ивана. Черт Ивана Карамазова (сущность черта, по Достоевскому, заключается в отрицании, а его функция в романе состоит в том, чтобы представлять негативные идеи Ивана, а значит и идеи просвещения¹⁷); поскольку Иван является представителем высшей формы просвещения (ср. мою статью в “Zeitschrift”, стр. 34 и далее¹⁸), Иван вспоминает о стихотворении (“поэмке”) “Геологический переворот”, которое он, по-видимому, написал в молодости. Ивана интересует не столько “геологический (и биологический) переворот” в буквальном смысле слова, сколько возможность “духовного переворота” (“параллель геологическому перевороту”). Сущность этого духовного переворота должна состоять в том, чтобы “человечество отреклось поголовно от Бога”, на котором держится “все прежнее мировоззрение... вся прежняя нравственность, и наступит все новое...” “Надо всего только разрушить в человечестве идею о Боге, вот с чего надо принять за дело”¹⁹. Когда исчезает идея Бога, возникает новый род человеческого (или, лучше сказать, “сверхчеловеческого”) существа: поскольку люди теперь являются только “недоделанными пробными существами, созданными в насмешку”²⁰ (это высказывание Достоевский в разговоре Ивана с Алешей ставит в кавычки, как будто это

цитата, но цитата это из "Геологического переворота" Ивана или же из статьи Страхова? – ср., например, "Мир" с. 15 и далее²¹). "Человек возвеличится духом божеской, титанической гордости, и явится человекобог. Ежечасно побеждая уже без границ природу, волею своею и наукой, человек тем самым ежечасно будет ощущать наслаждение столь высокое, что оно заменит ему все прежние упования наслаждений небесных. Всякий узнает, что он смертен весь, без воскресения, и примет смерть гордо и спокойно, как бог..."²². Этим новым людям "все позволено". Они, хотя и не подобны ангелам (не крылаты), как сверхлюди профессора зоологии, описанного Страховым, но они еще выше, это человекобог... Свое стихотворение Иван вспоминает также и на суде²³.

Достоевский также открыто использовал тему Страхова, однако придал ей несколько иной смысл, превратив ее в этическое проблему. Тема "сверхчеловека" (это слово хорошо подходит к человекобогу Достоевского) уже только поэтому имеет больше общего с постановкой вопроса у Ницше, чем с биологическими гипотезами Страхова.

Еще одно место в философии Ивана напоминает нам о Страхове. Иван рассуждает об "эвклидовском уме", которому, вероятно, должен противопоставляться "неэвклидов", с иными, чем наши, законами рассуждения. То, что Достоевский при этом думал о "неэвклидовой геометрии", ясно из текста романа (V 3)²⁴. Неэвклидова геометрия была тогда малоизвестна в России. Здесь мы не можем решить вопрос, откуда Достоевский узнал о неэвклидовой геометрии (Страхов упоминает Римана²⁵ в статье 1890 года, "Мир" с. 575 и далее²⁶). Однако мы считаем, что здесь нашли отзвук идеи Страхова и его полемика с русскими спиритами (спириты также упоминаются в "Дневнике писателя" – 1876, I, III, IV, а также упоминаются чертом Ивана Карамазова²⁷). Один из тезисов русских спиритов заключался в том, что эвклидова геометрия охватывает только область эмпирической действительности. Страхов защищает априорный характер геометрии (в сочинении "О жителях планет" – 212 и далее, 265 и далее, и в ряде полемических статей, первые три из которых были изданы еще при жизни Достоевского, в 1876 году; они были перепечатаны в собрании статей Страхова "О вечных истинах", Петербург, 1887; страницы 23–36 специально посвящены вопросу об априорном характере математики²⁸). Априорные законы геометрии действительны не только для нашего, но и для любого возможного мира (эта постановка вопроса, однако, не решает вопроса о неэвклидовой геометрии – ср., например, в современной философии математики полемику между Гансом Рейхенбахом²⁹ и Оскаром Беккером³⁰). Для Страхова этот тезис снова становится характеристикой просветительского мировоззрения, которое приписывает геометрии и математике только эмпирическую действительность. А русские спириты стоят именно на почве просветительского мировоззрения.

Достоевскому была близка идея сделать просветителя Ивана представителем просветительского мировоззрения и в этом вопросе: "ум человеческий", как подчеркивает Иван, создан "с понятием лишь о трех измерениях пространства"³¹. Разум для него имеет только ограниченную, случайную сферу действия. Если Иван отказывается от центрального места человека в космосе и, таким образом, от единства природы, то он отказывается и от единства человеческой природы (что обозначает единство человеческого ума) и от единства идеального и чувственного мира. Достоевский, с христианской точки зрения, видит в этом отпадение от христианства, то есть от веры, от самого Бога... Не случайно этот отказ от сознания единства человеческого существа Ивана роднит его со Смердяковым (ср. мою статью, "Zeitschrift", VI, с. 36³²).

Достоевский и Страхов³³

Д. И. Чижевский

К плодам чтения №10–11³⁴ я также хотел бы добавить, что в "Легенде о великом инквизиторе" в одном из фрагментов имеется цитата (в кавычках!), источник которой неясен; люди в ней определены как "недоделанные пробные существа, созданные в насмешку" (I, 400)³⁵. Это место непосредственно связано с обсуждаемой нами мыслью о "высших

людях”. Она указывает на Страхова. Хотя она и не является точной цитатой, некоторые мысли Страхова переданы довольно точно: для тех мыслителей, которые не считают человека высшим существом, только “новое” высшее существо, “займет место человека” (сверхчеловек) и “представит ту красоту и то достоинство жизни, которое для нас, людей, невозможно” (Страхов, Борьба с Западом, II, 105³⁶). Эти мыслители просвещения, однако, часто говорили, что “человек есть неудавшееся создание, попытка природы, в роде тех странных ископаемых творений, которые были переходными ступенями к формам нынешних земных тварей. Если так, то нужно ждать нового геологического переворота, в котором погибнет человечество” (там же). Эти идеи находятся в очевидной связи с мыслями, которые мы изложили под № 10–11.

Примечания

¹ Опубликовано: *Literarische Lesefrüchte* II: (10) *Der Teufel Ivan Karamazovs und N.N. Strachov* // *Zeitschrift für slavische Philologie*. Leipzig 1933. Band X (¾). S. 388–390.

² [Достоевский 1976, 79].

³ Полное собрание сочинений *Ф.М. Достоевского* с многочисленными приложениями. Том двадцать третий (дополнительный). Забытые и неизвестные страницы. Собрал и комментировал Л. Гроссман. Петроград: Просвещение, 1918. С. 45. Речь идет о статье Достоевского «Ответ “Русскому Вестнику”» (“Время”, 1861, № 5).

⁴ *Страхов Н.Н.* Мир как целое. Черты из науки о природе. СПб., 1892 (Первое издание – СПб., 1872.)

⁵ *Nemesius De nat. hom.* 38, 147 (309, М.). (Прим. Д. Чижевского. – А.Т.)

⁶ Немезий, или Немесий Эмесский (2-я пол.V в. – нач. VI в.) – ранневизантийский ученый, автор сочинения “О природе человека”, в котором он свел воедино физиологические, психологические и философские взгляды различных школ античности. Пытался согласовать их с христианским учением.

⁷ Имеется в виду “Письмо VII. Значение смерти” (с. 123–144). На с. 126 Страхов пишет: “Таким образом, мы видим, что явлений настоящего, *чистого круговорота* в жизни не бывает; точного, неизменного повторения жизнь не терпит; она есть непрерывное обновление. Поэтому понимание жизни только как круговорота – в высшей степени ошибочно”.

⁸ Опубликовано: *Literarische Lesefrüchte* II: (11) *Die Philosophie Ivan Karamazovs und Strachov* // *Zeitschrift für slavische Philologie*. Leipzig 1933. Band X (3/4). S. 390–396.

⁹ Страница указана ошибочно. Имеется, скорей всего, в виду статья Д.И. Чижевского “Zum Doppelgängerproblem bei Dostojevskij. Versuch einer philosophischen Interpretation”, опубликованная в изданном им сборнике: “Dostojevskij-Studien. Gesammelt und herausgegeben von D. Čyževskij” (Reichenberg 1931. S. 19–50).

¹⁰ Schiller und die “Brüder Karamazov” // *Zeitschrift für slavische Philologie*. Leipzig 1929. Band VI (1/2). S. 1–42.

¹¹ [Страхов 1893].

¹² [Страхов 1895]; [Страхов 1895, 104–105].

¹³ *Страхов Н.* Борьба с Западом в нашей литературе. Книжка третья. СПб., 1896. Имеется в виду статья Страхова «Итоги современного знания (По поводу книги Ренана “L’avenir de la science”)» за 1891 г. (“Борьба с Западом”. Т. III, с. 1–46).

¹⁴ Цитата приведена Чижевским неточно: “Без сомнения, естественные науки гораздо более удовлетворили бы нашу жажду знания, если бы они сумели доказать, что человек не только высшее животное, но что выше его и быть не может, что он не есть просто вершина животного царства, верхний камень в пирамиде, но что в нем заключается цель и стремление всего этого царства, которое бы не имело бы смысла без этого последнего и главного члена, все равно как лестница без храма, в который она ведет. Тогда бы и ясно было, что земные перевороты не пойдут далее, то есть, что не будет земных существ высших, нежели человек”.

¹⁵ Ср. “Urgestalt der Brüder Karamasoff”, München 1928. S. 245. Рукопись. С. 2. (Прим. Д. Чижевского – А.Т.)

¹⁶ Куторга Степан Семенович (1805–1861) – профессор, доктор медицины, преподавал зоологию, палеонтологию, анатомию человека. Занимался геологией: в 1852 г. издал “Геологическую карту С.-Петербургской губернии”. Его университетские публичные курсы и популярные сочинения

пользовались успехом, служили делу распространения интереса к естественным наукам. Основные труды посвящены одноклеточным, насекомым и анатомии птиц.

¹⁷ Ср. "Urgestalt ..." 245 (Прим. Д. Чижевского – А.Т.)

18 Schiller und die "Brüder Karamazov" // Zeitschrift für slavische Philologie. Leipzig 1929. Band VI (1/2). S. 1–42.

¹⁹ [Достоевский 1976, 83].

²⁰ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 т. Л., 1972–1990. Т. 14. С. 238.

²¹ В Письме первом "Человек есть животное" Страхов пишет: "Человек, по Блюменбаху, есть только самое ловкое, самое хитрое и потому самое сильное между животными" ("Мир как целое", с. 15).

²² [Достоевский 1883].

²³ Ср. также "Преступление и наказание", III, 5. (Прим. Д. Чижевского. – А.Т.)

²⁴ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 т. Л., 1972–1990. Т. 14. С. 214.

²⁵ Риман, Георг Фридрих Бернхард (1826–1866) – немецкий математик. Преобразовал сразу несколько разделов математики. В частности, в своем докладе 1854 года "О гипотезах, лежащих в основании геометрии" высказал предположение, что геометрия в микро- и макромире может отличаться от трехмерной евклидовой.

²⁶ В четвертой части книги "О законе сохранения энергии", в 10 главке "Механика как априорная наука" Страхов критически оценивает гипотезы Римана.

²⁷ В набросках Достоевского упоминается черта со статьей Страхова ("И как пишет критик Страхов...") – "Urgestalt..." 244 (Рукопись С. 1) ср. здесь же С. 543 (из другой рукописи). (Прим. Д. Чижевского. – А.Т.)

²⁸ "Три письма о спиритизме" Н. Страхова впервые были опубликованы в 41–42, 43, 44 номерах "Гражданина" за 1876 г. от 15, 22 и 29 ноября (журнал выходил под редакцией Ф.М. Достоевского). Затем они были перепечатаны в книге: *Страхов Н. О вечных истинах (мой спор о спиритизме)*. СПб., 1887.

²⁹ Рейхенбах, Ганс (1891–1953) – немецко-американский философ, представитель логического позитивизма, основатель Берлинского общества научной философии. Основными его темами стали критика рационализма, трактовка значения, возможные способы построения знания и типов объектов знания, интерпретация понятий вероятности и индукции.

³⁰ Беккер, Оскар (1889–1964) – немецкий философ, логист, математик, занимался историей математики. Представитель феноменологического метода, внес вклад в философию "параэксистенции". В 20-е гг., будучи ассистентом Гуссерля, редактировал ежегодник "Феноменологические исследования"; публиковал в нем свои работы, вызывавшие полемические отклики.

³¹ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 т. Л., 1972–1990. Т. 14. С. 214.

³² Schiller und die "Brüder Karamazov" // Zeitschrift für slavische Philologie. Band VI (1/2). Leipzig 1929, S. 1–42.

³³ Опубликовано: *Literarische Lesefrüchte IV: (37) Dostojevskij und Strachov // Zeitschrift für slavische Philologie. Band XIII (1/2). Leipzig 1936. S. 70–72.*

³⁴ Имеются в виду заметки Д.И. Чижевского "Черт Ивана Карамазова и Н.Н. Страхов" и "Философия Ивана Карамазова и Страхов".

³⁵ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 т. Л., 1972–1990. Т. 14. С. 238.

³⁶ [Страхов 1883]

*Перевод с немецкого М. Кармановой
Публикация и комментарии А. Тоичкиной*